

Взгляд на биографические интервью: важность нахождения паттернов

Методологические замечания по поводу биографических интервью с социологами

В статье высказываются критические замечания в адрес ряда аспектов сложившейся системы сбора и анализа биографической информации и предлагается новый подход к историко-биографическим поискам, базирующийся на выявлении социальных паттернов.

Эдуард Беляев
профессор Колумбийского университета, Нью-Йорк

Ключевые слова: биографическое интервью, воспоминания, неточности, проблемы интерпретации, паттерн.

Этой краткой преамбулой к статьям Эдуарда Беляева и Бориса Фирсова нам хотелось бы привлечь внимание читателей к синтетическому характеру указанных статей. Беляев рассуждает о поиске паттернов в биографическом анализе, Фирсов размышляет о перспективах развития историко-научных исследований, использующих в том числе, концептуальный аппарат биокритического подхода к интерпретации биографических текстов.

Принимая во внимание лишь содержание этих статей, их следовало бы разместить в методолого-методическом департаменте нашего журнала. Однако импульсом работ Беляева и Фирсова были многочисленные материалы "Телескопа" и онлайн-проекта "Международная биографическая инициатива" <<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>>, а также неко-

торые положения дискуссии участников "незримого колледжа", развернувшейся в рамках названного проекта, которые объединены интересом к истории российской социологии. В свете сказанного, обе статьи мы публикуем в историко-социологической рубрике журнала.

Возможно, что со временем материалы, близкие по своей тематике и общей направленности к недавно опубликованным в "Телескопе" работам Д. Шалина (2011, № 3), В. Шляпентоха (2011, № 4), А. Алексеева (2011, № 5), а также к настоящим статьям Э. Беляева и Б. Фирсова, дадут возможность для введения новой рубрики, но пока было решено расположить их в пространстве нашей традиционной рубрики.

Борис Докторов, Михаил Илле

Почему я не верю биографическим интервью?

Начну с нескольких в основном методологических замечаний по поводу интерпретации результатов интервью с российскими социологами и положений, высказанных в статье Дмитрия Шалина [1].

В рамках проекта "Международная биографическая инициатива" [2] собрано значительное количество интервью с российскими социологами, в которых обсуждаются проблемы возрождения социологии в СССР в 1960-е годы, рассматриваются события, определившие развитие науки в целом и личные судьбы многих ученых. В частности, проблемы, связанные с отъездом ряда социологов из страны.

Я читал только некоторые интервью, собранные этим проектом. Отчасти, потому что история советской социологии меня не слишком интересует, отчасти, в силу того, что у меня совсем нет склонности заниматься анализом того, кто что сказал, кому и когда, и верно ли это. Полагаю, что подобного рода деятельность совершенно бесплодна; мы все прекрасно понимаем, что воспоминания людей, особенно без опоры на документы, и тем более мотивации людей могут служить источником бесконечных спекуляций. Часто в интервью мы находим ошибки, и затем рассуждаем относительно того, были ли это случайные ошибки или намеренное искажение информации о былом, это произошло бессознательно или, к примеру, чтобы выгородить себя и т.д. Некоторые ошибки проверить практически невозможно. Но некоторые можно легко, в частности, по документам.

Например, в статье Дмитрия Шалина [1, с. 14] указаны неточности, содержащиеся в Справке, написанной для партийных органов в 1975 году [3, с. 3-4]. В ней говорилось, что Павел Буторин вышел из комсомола по возрасту. Однако он родился в 1948 году, а события, о которых идет речь, происходи-

ли в 1974, т.е. по возрасту он не мог выбыть из комсомола. Его должны были исключить, что и произошло. В другом месте Справки отмечалось, что отъезд Эдуарда Беляева сильно повлиял на дальнейшие события (действия с Буториным и Шалиным). Однако, Беляев выехал только в 1976, после отъезда Буторина и Шалина.

Но дело, на мой взгляд, не в этих частных ошибках. Пусть остаются, мне они не мешают. Но во всем этом деле есть много других фактов, которые для меня имеют значение. Например, Буторину на момент отъезда было 26 лет, и он не занимал никаких важных постов. Однако он и его семья в течение полугода вплоть до отъезда и задолго до подачи документов на выезд подвергались преследованиям: повседневные, по несколько раз в день угрожающие звонки, очевидная наглая слежка за ним и его семьей, члены которой тоже не занимали никаких постов и не знали никаких секретов, и т.д. Вот этот факт для меня очень важен, ибо — это социальный момент, показывающий работу государственных институтов в Советском Союзе. Могу добавить, за мной тоже велась слежка в течение нескольких лет. И таких случаев было на самом деле много, мы видим здесь паттерн (повторяемость, "закономерность" на советском марксистском языке), т.е. факт для анализа общества.

Дмитрий Шалин различает мотивацию "до" действия и "после" действия, для меня это не представляется важным. Интуитивно мы давно понимали, а теперь это доказано экспериментальными психологами, что человеческие действия совершаются в большинстве случаев бессознательно и потом подкрепляются словами (мотивами). Человеческие действия бесконечно сложны — в математическом значении этого слова — по источникам и последствиям. Заниматься распутыванием этого бесконечного клубка, где все факторы динамически и одновременно взаимодействуют друг с другом — абсолютно безнадеж-

но. Это может быть хорошим развлечением, но не более того. Напомню, что в середине 1950-х годов, отталкиваясь от экспериментальных данных, Леон Фестингер выдвинул теорию когнитивного диссонанса и показал, насколько сложным оказывается переплетение мотиваций и поведения [4]. С тех пор проведены тысячи экспериментальных исследований, результаты которых нередко противоречат друг другу, написаны десятки тысяч статей, но создается впечатление, что наши социологи не обращают внимания на этот обширный материал, имеющий непосредственное отношение к обсуждаемой теме.

В этом клубке значительную роль, конечно, играют мотивации и отношения людей друг к другу. Я помню собрание, которое должно было дать мне характеристику в ОВИР для подачи документов на отъезд. На нем среди прочих присутствовали наши коллеги по лаборатории и извне, назовем их "X" и "Y", которых я никогда не любил, а "X", на мой взгляд, был просто интеллектуальным ничтожеством¹. Теперь, по моим воспоминаниям этого собрания, именно "X" и "Y" вели себя наиболее гнусно (по моим представлениям), они менее всего теряли, если бы вели себя приличнее (в рамках элементарной морали). Наиболее приличным во всей этой истории был В.А. Ядов, который терял более всего от своего приличного поведения. Спрашивается, "X" и "Y" в самом деле были наиболее гнусными или моя проекция моей нелюбви к ним, оставила в моей памяти такой след? Не знаю. Я знаю лишь, что мое презрение к "X" было до этого собрания и осталось бы после него, даже если бы он вел себя приличнее. Это чисто личная компонента в человеческих отношениях, как говорят по-английски — "химия". Не сошлись характерами, так сказать. Имеет ли это какое-то значение для истории социологии? Я не думаю. Гораздо более важен феномен самого собрания как такового.

Замечу я ни в коем случае не собираюсь делать обобщение и говорить, что эти люди — плохие. Мы все и хорошие и плохие одновременно. Речь идет о взаимодействии людей!

Приведу еще один пример из другой сферы, но в плоскости той же идеи. Мы ежедневно читаем в газетах разъяснения "экспертов", называющих себя "политологами", как надо понимать ту или иную фразу высшего чиновного лица. Предполагается, что они залезли в голову этого лица и, тем самым, раскрыли все секреты политики и поняли, что нас ожидает. Однако достаточно поставить рядом высказывания разных экспертов по одному и тому же поводу, чтобы видеть, что это в большинстве случаев "гадания на кофейной гуще". Безусловно, подобные гадания играют свою социальную и политическую роль. Но думать, что мы при этом узнаём, что думает или чего хочет тот или иной ответственный чиновник, и какого решения следует ожидать, весьма наивно. Аналогично я думаю об интерпретациях интервью, которые мы обсуждаем.

Шалин говорит также о выборках из проведенных им биографических интервью ("репрезентативность выборки событий", "эпизодическая структура автобиографического повествования"). На мой взгляд, это относится к тому, что описано в предыдущем абзаце. Герменевтика (весьма уважаемая в академических кругах "наука") или не герменевтика, но мне эти интеллектуальные конструкции ничего не дают. Мы как не знали, что "на самом деле" думал человек и как он принимал решение, так и не знаем, просто потому, что человек, о котором идет речь, сам этого не знает. Так что я предпочел бы обойтись без этой "науки".

Однако сказанное не означает, что я полностью отвергаю полезность интервью. Кроме того, что интервью помогает увидеть человека (если кому-то это интересно), дать кому-то личную субъективную оценку, оно также дает материал для обобщения этих интервью (или отдельных высказываний) для по-

строения картины прошлого или настоящего общества. Например, из многих интервью, а также печатных материалов, вырисовывается одна любопытная идея, господствовавшая в 1960-е годы и несколько позже: вступить ли в партию (КПСС), чтобы изнутри изменять общество, бороться за лучшее общество, т.к. извне сделать ничего невозможно. Современному человеку, независимо от возраста, это хорошо известно и понятно. Примеров подобного рода поведения пожилых и молодых людей сегодня каждый читатель может набрать огромное количество. На основании подобного сравнения каждый волен строить какие угодно конструкции относительно государства российского. Это также дает хороший материал для понимания человеческой психологии. Этот феномен в разной степени и окраске существует, конечно, не только в России. Но вопрос не только в том, почему в России мы видим не только повторение этого типа поведения, но и в том, почему этот тип поведения имеет такое большое значение и в судьбе отдельного человека и во всей социальной и государственной ткани страны.

Что касается подобных высказываний (или убеждений) в 1960е -70е годы опять-таки можно долго рассуждать, насколько такое убеждение (бороться за лучшее общество изнутри, будучи членом правящей партии) было искренним у данного человека, насколько оно было защитой неприличного (аморального) поведения и т.д., можно вытаскивать различные подтверждающие документы и строить портрет человека, положительный или отрицательный в зависимости от симпатий (явных или скрытых) автора, который строит такой портрет. Но с моей точки зрения это ничего не дает для социальных наук, в лучшем случае что-то дает для истории или биографии, или художественной литературы. Подобного рода портреты — это обыкновенная интеллектуальная конструкция, мало имеющая отношение к реальному поведению людей. Опять-таки, читатель может найти сотни собственных примеров.

Некоторые также утверждают, что история советской социологии становится гораздо более человеческой с этими биографиями. Я согласен с этим с той только оговоркой, что не следует забывать, что историй одного и того же периода может быть написано множество, а также что любая история всегда находится в динамике, не стоит на месте, а развивается, развивается из прошлого.

Биографические интервью как база для поисков паттернов суждений и поведения

Отмечу, когда видишь, что в 2009-2011 годах люди говорят по сути те же вещи в оправдание своего поведения как и 40-50 лет назад ("вступаю в "Единую Россию" потому что там хоть что-то можно сделать"), то это уже социальный феномен, требующий исследования. Это — паттерн. В совокупности с другими высказываниями и документами это дает хорошую картину российского общества и государства. На эту картину некоторые (в том числе авторы многих интервью, проведенных Шалиным и Докторовым) накладывают чисто идеологические оценки, в том числе напоминают о социальной ответственности и честности людей. Я готов согласиться с этими оценками; если бы люди были ответственны, честны, мы избежали бы многих ужасов и гнусностей Советского периода. И есть много примеров, когда люди именно так честно и поступали в других обстоятельствах (например, при своих публикациях). И можно рассуждать на эту тему и показывать смелость отдельных лиц или наоборот их трусость и лживость, но это пустая забава. Что важно, с моей точки зрения, так это то, что общая социальная и политическая ситуация была такова, что идеологическая (и моральная) честность и ответственность в том обществе (и в нынешнем российском) сильно расходилась с другими вариантами морали и идеологии, которых придержива-

¹ По просьбе коллег я не называю фамилии "X" и "Y".

лись некоторые индивиды, и не придерживаться официальных вариантов тогда было очень опасно, а теперь — невыгодно для отдельных индивидов. Поэтому человек поступает в соответствии со своей выгодой или в соответствии с тем, как он понимает свою безопасность, а потом в соответствии с концепциями совести (тоже социально одобренная концепция) придумываются различные объяснения и мотивы. Спрашивается, зачем социальному ученому конкретное высказывание и конкретное поведение конкретного лица, если он не собирается искать паттерны среди тысяч других высказываний совсем других людей? Только поиски таких паттернов имеют смысл и дают возможность для анализа общества.

Собранные интервью социологов очень ценны, если мы не будем заниматься личностями интервьюируемых, занимаясь тем, что, кто и кому сказал и насколько это правда. Эти интервью в их совокупности создают хорошую картину того, на каком фоне развивалась советская социология и каковы были её интеллектуальные корни, каков был интеллектуальный и психологический климат в стране. Также они создают хорошую картину советского общества того периода. Только это имеет для меня смысл, а не разбор отдельных интервью. Но в этом интересном материале требуется найти повторяющиеся мотивы и идеи, чтобы элиминировать индивидуальные особенности ("правду" от "неправды", оправдания и прочее). В совокупности эти интервью действительно позволяют реконструировать картину становления советской социологии в 1960-70-х годах и ее интеллектуальные корни. Первый шаг в этом направлении фактически сделан в книге Шалина "Прагматизм и демократия" [5], но только первый.

В более широком плане я хотел бы заострить внимание читателей на том, что гуманитарии, а также социологи и экономисты мало обращают внимание на некоторые факторы, которые позволяют многое объяснить. Я имею в виду биологические и социально-биологические факторы, а именно физиологию (или, если хотите, наследственность) и демографию. Конечно, специалисты (биологи, психологи, демографы, а также бизнесмены) изучают не только сам предмет, но и возможные социальные последствия действия этих факторов. Но сами социологи (в меньшей мере экономисты) почти не касаются этих факторов, считая по-видимому, что они находятся вне сферы их дисциплин. На мой взгляд, это грубейшая ошибка. В упомянутой статье Шалина [1] есть намек на важность анализа характера человека. Но этого недостаточно.

Когда я говорю о физиологии, я имею в виду прежде всего активность, энергию. У разных людей существует разный энергетический уровень: некоторые — брызжут энергией, другие — не обладают достаточным энергетическим уровнем (активностью). В обществе эта энергия проявляет себя по-разному: человек может быть энергичен в одной области и пассивен в другой (здесь уже можно говорить о талантах). Но важно то, что, используя свою энергию, т.е. будучи активным в какой-то области, человек добивается соответствующей ступеньки в обществе. К примеру, Скотт Шейн [6] показал, что наследственность (гены) объясняет значительную часть поведения индивидов в бизнесе и в остальной жизни, а также оказывает большое влияние на выбор им работы (job) и удовлетворенность этой работой и на другие характеристики отношения к избранной работе. Подобного рода исследований, связывающих наследственность и социальное поведение на экспериментальном уровне, довольно много.

И именно этим объясняются многие вещи, которые в устах интервьюируемых обретают идеологическую, моральную или другую объяснительную окраску. Разумеется, я отдаю себе отчет, что в действительности поведение людей и их взаимодействие с обществом бесконечно сложнее, чем я описываю. Однако, не принимая во внимание эту генетическую активность человека нельзя, потому что она лежит в фундаменте всех его действий. Активные люди используют разные доступные им в

данном обществе инструменты, чтобы подняться по социальной лестнице. Поэтому можно обвинять некоторых людей, которые добились какой-то ступеньки, в аморальности и даже преступности, но они использовали те социальные инструменты, которые были им доступны. Это, на мой взгляд, объясняет поведение многих людей, которых мы критикуем или просто не любим. На самом деле, с точки зрения социологии критиковать нужно не этих активных людей, а общество, которое предоставило им эти инструменты. Заметьте также, что эти люди, но также и мы, которые их критикуем, участвовали в легитимизации этих самых инструментов. Иначе говоря, это замкнутая система, это проблема курицы и яйца. Как выйти из этой системы — это другой вопрос. Очевидно, что существует множество выходов, и все они базируются на идеологии человека, предлагающего такой выход. А для съедобности обществом привлекаются всякого рода "научные" данные.

Конечно, энергетика — это не единственное качество личности, имеющее социальную значимость. К этому можно также прибавить темперамент, врожденную доброту или эмпатию к другим лицам (которая выражается в соответствующей морали), физическое здоровье и другие качества, имеющие физиологическую основу, но получающие социальное выражение.

Паттерн — образование многомерное

Огромное значение имеет возраст в личном поведении, а также распределение возрастов по стране, т.е. речь идет о демографической структуре и демографической плотности населения по стране. Обычно социологи склонны отдавать эти вопросы демографам или иметь их в виду при исследовании социально-экономических вопросов отдельного предприятия или экономического района. Однако вопросы демографической структуры и плотности имеют прямой выход на многие вопросы, касающиеся общества в целом и его политической структуры и устройства. Так, присутствие бывших советских работников в нынешней власти на всех уровнях объясняет практически всё в том, что сейчас происходит в стране. И отсюда с самого начала была необходимость принятия закона о люстрации. Блестящим примером к этому является заявление — и ностальгия одновременно — министра внутренних дел России Рашида Нургалиева в начале августа 2011 года о необходимости "изучать", что читают и какую музыку слушают молодые люди, танцуют ли они вальс. Можно было бы только смеяться этому заявлению, в котором выражается забывчивость министра. На дворе не 1950, а 2011 год: другая экономика и технология, другие институты, другие отношения между людьми, другая психология и т.д. Но Нургалиев занимает очень высокое положение в обществе, а следовательно, последствия этой "забывчивости" могут быть очень драматичными. Каждый, наверное, может привести десятки подобных случаев. Конечно, говоря о люстрации в России не следует забывать и другую сторону этого вопроса — нехватку подготовленных к руководству людей. Но это уже совсем другой вопрос, выходящий за рамки заданной мне темы.

Обсуждение обозначенных методологических проблем выходит за рамки данной статьи. Я хотел бы только еще раз подчеркнуть, что прекрасно понимаю сложность взаимодействия всех уровней, начиная с физиологического и кончая государственным, и не хочу создавать впечатления примитивной причинной связи между наследственностью (физиологией) и высокой государственной политикой. Однако, я решительно против интеллектуальных конструкций человеческого поведения, выяснения причинных интеллектуальных источников индивидуального поведения, "правды" и "неправды" индивидуального поведения, "морального" и "аморального" в поведении конкретного человека. Что касается "морального" и "аморального", то поскольку это — социальные конструкции, то рассматриваемое поведение с этой точки зрения безусловно имеет социальные последствия и это нельзя игнорировать при анали-

зе социального поведения и поведения самого общества. Но "моральное-аморальное" поведение для объяснения индивида, на мой взгляд, бессмысленно. Оно находится совершенно в другой сфере и научному анализу не подлежит.

Вместо построения интеллектуальных конструкций я хочу призвать социологов опираться на эмпирические данные, обращать больше внимания, активно искать паттерны взаимодействия людей между собой и паттерны взаимодействия людей с социальными институтами. Иногда эти взаимодействия очевидны, но чаще всего они очень тонки и ускользают от нашего внимания. Приведу самоочевидный пример. Во многих интервью обсуждается вопрос эмиграции, даются всякого рода мотивации и обсуждается моральность или аморальность такого действия. Но вот, что сказал мне П. Буторин, когда посмотрел некоторые из этих интервью: "уезжали, потому что создалась благоприятная ситуация и люди просто ею пользовались. И не надо ничего придумывать." Я полностью согласен с ним. Мы имеем взаимодействие между индивидом и государством: опыт активного индивида (в том смысле, как это было изложено выше) подсказывает, что он найдет лучшую жизнь вне страны. Значит, надо уезжать. Построение объяснений и мотиваций здесь вторично. Первичен гештальт — смутный образ, общее, часто бессознательное представление, определяющее поступки. И второе: мол, многие уже уехали и всё хорошо с ними. Так "зараза" овладевает умами многих людей, и они уезжают, даже если они сначала этого не хотели. Ситуация, на мой взгляд, простая, но она забалтывается разными сложными конструкциями. Человеку просто нужно объяснить свое поведение себе и другим.

Без понимания сложных и тонких взаимодействий, однако, эмпирические данные мало что дают. Это особенно очевидно при всякого рода опросах населения, которыми очень увлекаются социологи. Здесь мы видим картину примитивизации выявленного настроения людей. Забывается при этом, что мнения и настроения людей намеренно формируются десятками разных социальных институтов. И этими настроениями, мнениями, манипулируют различные институты для своей собственной выгоды. Вот пример такой, на мой взгляд, примитивизации. В серии работ В. Магуна и М. Руднева [7], [8] утверждается, что некоторые ценности российского населения очень похожи на ценности населения ряда стран Европы. В частности, население России, Украины, Болгарии, Польши, Румынии, Венгрии в равной мере придерживается ценности самоутверждения. Ну и что? Как они могут быть непохожи, имея в виду достаточно долгую общую историю и похожесть нынешних социальных, экономических и политических институтов, особенно России и Украины? Что дает нам такая эмпирическая работа? Какую пользу она приносит? Не говоря уж ничего о том, что понятие ценности само по себе очень непонятная конструкция. Говорят, что она управляет поведением людей, а на мой взгляд, люди просто объясняют свое поведение ценностями,

принятыми в их окружении, поступая согласно своей выгоде в данный момент [4]. Кроме того, создается впечатление, что ценности, о которых идет речь у Магуна и Руднева, действительно существуют как независимая реальность, как платоновские идеи или формы, сами по себе, и других, кроме выбранных авторами (европейскими и российскими), не существует. Между тем все они являются конструкциями и можно было бы придумать совсем другие и, значит, и результат был бы иным. Эти ценности были выбраны согласно идеологическим (философским) воззрениям авторов. Они ничего не могут предсказать, поскольку люди с одними и теми же ценностями реагируют и действуют по-разному в зависимости от обстоятельств, в которых они находятся, в частности, от политического режима в стране и результатов работы этого режима.

В любом случае социолог должен видеть сложное взаимодействие между личными интересами (и, соответственно, поведением) и ценностями (или моралью). Должен видеть и исследовать, как эти ценности формируются институтами, как ими манипулируют институты. Именно в этом контексте надо рассматривать, я считаю, интервью, в которых обсуждается отъезд некоторых социологов за границу. Подобного рода примитивизацию, как замечено выше, можно найти во многих социологических исследованиях до и после указанной статьи Д. Шалина, которая, кстати, написана очень профессионально и значительно лучше множества других. Подобного рода коллекции ценностей, размещенных в разные "ящички" я встречал и десятилетиями раньше. Мышление и подход к исследованию никак не изменились. И это печально.

Я хотел бы также напомнить, что исследование, в том числе — историко-биографическое, должно преследовать определенную цель: политическую, идеологическую или чисто утилитарную. Тогда оно получает четкую методологию. В противном случае мы возвращаемся на сто лет назад, к поискам абстрактной истины. В настоящий момент всеобщей манипуляции всех всеми это как-то наивно, с моей точки зрения.

Подводя итог всему сказанному, я хочу сделать еще раз ударение на том, что интервью должны служить в качестве начального эмпирического материала для нахождения паттернов, которые следует привязывать к другим паттернам поведения или к динамике социальных и других институтов. Все наши исследования в конечном счете являются нашими конструкциями, но строить интеллектуальные конструкции в отношении индивидуального поведения это, на мой взгляд, бессмысленная затея. Конструкции в отношении общества то, что мы называем "социальными исследованиями", выполняют полезную функцию идеологической и политической борьбы, и потому они имеют смысл. Они становятся неотъемлемой частью социальной ткани общества.

Литература

1. Шалин Д. В поисках нарративной идентичности. К диалогу Андрея Алексея с Дмитрием Шалиным // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2011 № 3. С. 13-23.

2. Международная Биографическая Инициатива <<http://cdclv.unlv.edu/programs/bios.html>>.

3. Алексеев А., Божков О., Саганенко Г., Кесельман Л.: "По мере созревания нравственная конфронтация становится политической" // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований, 2010 № 4. С. 2-12.

4. Festinger L. A Theory of Cognitive Dissonance. Row

Peterson: Evanston, Illinois, 1957.

5. Shalin D. N. Pragmatism & Democracy. Studies in History, Social Theory, and Progressive Politics. Transaction Publishers: New Brunswick, 2011.

6. Shane S. Born Entrepreneurs, Born Leaders. How Genes Affect Your Work Life. Oxford University Press, 2010.

7. Магун В.С., Руднев М.Г. Жизненные ценности российского населения: сходства и отличия в сравнении с другими европейскими странами // Вестник общественного мнения № 1 (93), январь-февраль 2008, с. 33-58.

8. Магун В.С., Руднев М.Г. Базовые ценности россиян в европейском контексте // Общественные науки и современность, 2010. № 3 и № 4.